

УДК 1(091)(47)“17”:378

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/4

В.И. ЛАМАНСКИЙ VS Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: ИЗ ИСТОРИИ ЗАБЫТОЙ ПОЛЕМИКИ*

А.В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Авторское резюме

В статье рассматриваются взаимоотношения двух учеников профессора Санкт-Петербургского университета И.И. Срезневского (1812–1880) – Н.Г. Чернышевского (1818–1889) и В.И. Ламанского (1833–1914). Отмечается, что их взаимное неприятие опиралось на разные мировоззренческие и философские установки: радикально-западническую у Чернышевского и славянофильскую у Ламанского. Основное внимание уделяется полемике между ними, вызванной публикацией в 1861 г. в журнале «Современник» статьи Чернышевского «Национальная бестактность», посвященной первым номерам львовской газеты «Слово», критический отзыв на которую Ламанский опубликовал в славянофильской газете «День». Отмечается, что частный вопрос о литературном языке галицких русинов, затронутый Чернышевским, дал повод Ламанскому предложить свою версию формирования русского литературного языка и обосновать историческую и культурную правомерность использования русинами русского литературного языка вместо украинского. Славянофилы (И.С. Аксаков, В.И. Ламанский, П.А. Лавровский) обвинили Чернышевского в том, что, отказывая русинам в пользовании русским литературным языком, он не только провоцирует раскол в русском этносе, но и выражает польскую точку зрения. Отвечая славянофилам, Чернышевский указывал на наличие в Австро-Венгрии не национальных, а сословных (классовых) противоречий, обвинял галицких русинов в политической незрелости и отказывался признавать их западной ветвью русского народа, равно как и не усматривал за ними национальной самобытности. В статье делается вывод, что дальнейшая разработка вопроса о языке, затронутая в полемике, привела Ламанского к формулированию цивилизационной концепции «трех миров», в которой язык выступал главной геополитической силой.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 16-03-00450).

Ключевые слова: Чернышевский, Ламанский, славянофильство, русины, литературный язык, национальная самобытность, культура, ассимиляция, народность, историсофия.

V.I. LAMANSKY VS N.G. CHERNYSHEVSKY: FROM THE HISTORY OF FORGOTTEN POLEMICS*

A.V. Malinov

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Abstract

The article analyses the relations between Nikolay Chernyshevsky (1818–1889) and Vladimir Lamansky (1833–1914), who were students of professor N.N. Sreznevsky (1812–1880) of St. Petersburg University. The author observes that their mutual aversion was not only determined by their personal antipathy, but was also based on different worldviews and philosophical values (Westernism of Chernyshevsky and Slavophilism of Lamansky). The essential attention is paid to their polemics provoked by the publication of Chernyshevsky's article "National tactlessness" in *Sovremennik* in 1861. The article was an overview of the early issues of *Slovo* – a newspaper published in Lvov – which evoked Lamansky's reaction in a Slavophile newspaper *Den*'. The author notes that a special question about the language of the Galician Rusins put by Chernyshevsky gave Lamansky grounds for proposing his version of the origins of Russian literary language and for upholding Rusins' historical and cultural right to use Russian literary language instead of Ukrainian. The Slavophiles (I.S. Aksakov, V.I. Lamansky and P.A. Lavrovsky) accused Chernyshevsky of denying Rusins the right to use the Russian literary language, thus provoking the split in Russian ethnos and expressing the Polish viewpoint. In respond, Chernyshevsky pointed out that there were rather class then ethnic contradictions in Austria-Hungary. He also blamed Galician Rusins for political immaturity and refused to refer them to the Western line of the Russian nation, denying them of any national identity. The author concludes that

*The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Nr. 16-03-00450).

the further polemics of the language led Lamansky to the civilization conception of “three worlds” with language as a main geopolitical force.

Keywords: Chernyshevsky, Lamansky, Slavophiles, Rusins, literary language, ethnic independence, culture, assimilation, nation, historiosophy.

Взаимные отношения Н.Г. Чернышевского и В.И. Ламанского еще не становились предметом отдельного изучения. Скучность документальных свидетельств и редкость исследовательской литературы о Ламанском вполне объясняют, хотя и не оправдывают этот печальный факт. В качестве частного сюжета он вписывается в более широкую тему – Чернышевский и славянофилы, отчасти уже рассматривавшуюся в исследовательской литературе (Сладкевич 1948; Демченко 2014). Чернышевский и Ламанский были, пожалуй, самыми известными учениками этнографа, слависта, профессора Петербургского университета И.И. Срезневского (1812–1880). Чернышевский и Ламанский писали выпускные сочинения по близкой тематике, заданной их преподавателем: «Опыт словаря к Ипатьевской летописи» (Чернышевский) и «О языке Русской правды» (Ламанский). Ламанский стал преемником Срезневского на университетской кафедре. Чернышевский окончил Петербургский университет в тот год, когда Ламанский был только принят на первый курс. В университете Ламанский тесно сошелся с А.Н. Пыпиным, дружеские отношения с которым, несмотря на идейные разногласия, сохранял до конца жизни (Троицкий 2009; Малинов 2017). Примечательно, что рецензия Пыпина на издание магистерской диссертации Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» была опубликована в том же номере журнала «Современник» (1860. Т. LXXX), что и статья Чернышевского «Антропологический принцип в философии», причем перед статьей последнего.

У Пыпина, вероятно, и состоялась встреча Ламанского с Чернышевским. Первые упоминания о Чернышевском в дневнике молодого слависта датированы 2 мая 1853 г. Ламанский отмечал «разлад между поступками и мыслями» (СПбФ АРАНа: 6) у Чернышевского. Примечательно это критическое наблюдение, фиксирующее умаление аскесиса у своего нового знакомого. Последующее общение только укрепило это критическое впечатление, возможно, со временем усилившееся до чувства взаимной неприязни. По крайней мере, уже вскоре Ламанский рефлексировал в своем дневнике: «Что за барин этот Черныш<евский>? Со мною говорить он не зачинает, боится ли унизиться, или просто в нерасположении, или принадлежит он к роду людей, которые с первого разу не нравятся, а потом к ним привязываешься все больше и больше. Или во мне есть кое-что, пришедшее ему не по нутру? Это вероятнее, потому что сегодня,

как только я подсел к нему, он тотчас же удрал в другую горницу, как бы намеренно избегая» (СПбФ АРАНа: 34 об.).

Еще в студенческие годы Ламанский увлекся изучением славянства, став с годами одним из крупнейших отечественных славистов и основателем «научной школы» (Лаптева 2014). В то же время он был убежденным славянофилом, последовательно проводил славянофильскую точку зрения в своих научных трудах. Философско-историческое учение Ламанского начало складываться в первой половине 1860-х гг. и нашло наиболее законченное выражение в докторской диссертации «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) и трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) (Куприянов 2016). Цивилизационная концепция Ламанского оказалась близка теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и до сих пор, можно сказать, остается в тени его учения. Среди петербургских славистов – учеников Ламанского существовало убеждение в первородстве идей своего профессора. Так, например, Ф.Ф. Зигель в рецензии на книгу К.Я. Грота «Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях» отмечал, что «автор кладет в основание своего труда положение знаменитого нашего слависта В.И. Ламанского о противоположности и борьбе западногерманского и греко-славянского миров. Это блестящее обобщение было затем воспринято в выдающемся сочинении Данилевского «Россия и Европа»» (Зигель 1915: 360). Действительно, многие принципиальные положения своей цивилизационной концепции Ламанский сформулировал раньше Данилевского. На период формирования научных и философских взглядов Ламанского пришла его полемика с Чернышевским.

В 1861 г. в журнале «Современник» была опубликована статья «Национальная бестактность», в которой Чернышевский выступил против первых номеров львовской газеты «Слово», стремившейся печатать статьи на русинском языке, приближенном к русскому литературному языку. Еще в 1820-е гг. среди галицкой интеллигенции появились сторонники использования русского литературного языка, поскольку он был близок как церковнославянскому, так и старому литературному языку (язычию) (Михутина 2003: 33). В 1866 г. газета «Слово» прямо «выступила с москвофильских позиций, заявив, что есть единый великий русский народ от Карпат до Камчатки и единый русский язык» (Михутина 2003: 36). Чернышевский обратился к галицким русинам с призывом использовать в качестве литературного языка малорусский, а не русский язык: «Наши малороссы уже выработали себе литературный язык несравненно лучший, зачем отделяться от них?» (Чернышевский 1950b: 776). «Зачем вы придумываете себе

особенное ломаное наречие, отделяясь от общей малорусской литературы?» – вопрошал Чернышевский (Чернышевский 1950b: 786). Чернышевский оставлял галицким русинам возможность быть только частью малороссов, а не считать себя частью русского народа в целом. Эта позиция рецензента «Современника» и вызвала основные возражения со стороны славянофилов.

Чернышевский также обрушился с критикой на редакцию «Слова» за негативное отношение к ассимиляции русинов поляками. Национальная неприязнь, считал он, играет на руку австрийскому правительству, специально «раздувающему вражду», чтобы держать в повиновении народы. Он не признавал фактов насильственной колонизации населения Галиции или не видел в этих фактах ничего плохого, а значит, и не понимал стремления русинов сохранить свою национальность. Собственно, и национальность эту Чернышевский не признал, воспринимая русинов лишь как западных малороссов. Существовавшие противоречия он оценивал как сословные, а не как национальные (Чернышевский 1950b: 780). В противостоянии галицких русинов полякам он усматривал «натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. <...> Тут дело в деньгах, в сословных противоречиях, а нисколько в национальностях и вероисповедании» (Чернышевский 1950b: 792).

Первоначально выход галицко-русской газеты материально поддержал митрополит Григорий (Яхимович), поэтому в «Слове» появились комплиментарные по отношению к греко-католическому иерарху публикации, которые дали Чернышевскому повод обвинить галицких русинов в политической незрелости. Отсутствие светских лидеров, полагал он, свидетельствует о неспособности русинов к политической борьбе. На страницах журнального обзора Чернышевский неоднократно заверял в своем желании русинам всяческих благ, которые, по его мнению, их ожидают при условии отказа от русскости и сопротивления ополячиванию.

Ламанский, к тому времени уже сотрудничавший в славянофильских изданиях, откликнулся на статью Чернышевского в аксаковской газете «День». Имя Чернышевского в статье Ламанского не упоминалось, поскольку в «Современнике» статья была опубликована без указания автора. Умалчивал о нем и И.С. Аксаков, предваривший публикацию Ламанского редакторским примечанием. Статья «Современника», осуждавшая стремление галичан писать русским литературным языком, была перепечатана в Австрии на немецком и польском языках. Этот факт не меньше, чем ее содержание, побудил Аксакова опубликовать ответ. Аксаков хотел продемонстрировать иную оценку происшедших в русских землях Австро-Венгрии процессов и поддержать

ориентированных на Россию русинов. «Письма, полученные нами из Вены, живо изображают душевную скорбь галичан, обруганных и осмеянных в России и за сочувствие к России!» – признавался он (Ламанский 1861: 15. Прим.). «У галицийских русов, – писал редактор, – только одно стремление – примкнуть к общей русской семье, слиться с нею в одно целое, если не политически, так духовно: поэтому они всячески стараются усвоить себе наш русский литературный язык, считают нашу литературу своею, изучают ее, гордятся Пушкиным, как своим собственным поэтом и проч.» (Ламанский 1861: 14. Прим.). Статья Чернышевского, напротив, оправдывала национальную политику австрийских властей, старавшихся противостоять ополячиванию русинов в Галиции тем, чтобы «в галицийских русских возбуждать чувство племенной малороссийской особности и враждебности к великорусской стихии» (Ламанский 1861: 14. Прим.). «По его мнению, – пишет о позиции Аксакова Е.П. Емельянов, – статья Чернышевского представляла собой польский голос на страницах русского журнала и соответствовала польским национальным интересам, заключавшимся в ликвидации русского влияния в Галиции» (Емельянов 2013: 23). Ненависть к русской народности и славянофильству, был убежден И.С. Аксаков, сблизает революционеров (Чернышевского), либералов-западников и правительственную верхушку (Бадалян 2016: 202). Заданная в редакторском примечании экспозиция была содержательно развернута в тексте Ламанского.

Прежде всего, Ламанский увидел в критикуемой статье незнание того материала, которому она была посвящена. Он объявляет статью мистификацией, поскольку уверен, что ее автор не жил среди малороссиян, не знает языка, обычаев и т.п. «Но как же можно, не зная народа и его языка, толковать так смело и резко об его характере, обычаях, нравах? <...> Ложь и обман тут очевидны», – заключал Ламанский (Ламанский 1861: 15). По мнению критика, автор статьи или прикидывается плохим знатоком Малороссии, или же притворяется ее страстным любителем. Более того, Ламанский не верит в искренность восхищения другим народом без утраты собственной народности. Ассимиляционные процессы, происходящие в многонациональных государствах, не могут «служить свидетельством симпатичности или очаровательности того или другого племени» (Ламанский 1861: 15). Так, обрусению инородцев в России, онемечиванию поляков в Пруссии, ополячиванию малорусов в Польше и на Украине не стоит приписывать абсолютное значение и из них выводить характеристики народов. Современность дает немало примеров и противоположных фактов, например, сохранения своей народности поляками и раскольниками в Малороссии. Ламанский отмечает недобросовестность

автора статьи, его «резкие и оскорбительные выходки» и «полное презрение к народу». Статья служит примером «сочетания слабости мышления с крайним самодовольством и самомнением» (Ламанский 1861: 15–16).

На территории австрийской Галиции идет интенсивное ополячивание русского населения, приводящее к утрате народности. Историко-софская оптика, сквозь которую Ламанский воспринимает происходящие на западе Русского мира процессы, задает конфронтационный взгляд на прошлое и настоящее. В истории он видит этнологическую борьбу, прежде всего, германцев и славян. Этот историко-софский конфликт определяет историческую и культурную судьбу Среднего мира. Отголоском ее является ассимиляция русинов в Австро-Венгрии. Католицизм исторически служил средством подавления народного начала у славян, поскольку отказывал им в возможности проводить богослужение на родном языке.

Для Ламанского главной исторической, культуросозидающей и даже геополитической силой выступает язык. В его философско-исторической концепции конфликт цивилизаций проявляется, прежде всего, в соперничестве языков за распространение и влияние в мире, поэтому-то так болезненно он реагировал на призыв Чернышевского отказаться от распространения русского литературного языка среди русинов. «При всей своей тяжести борьба малороссиян с поляками, – замечал он, – все-таки гораздо легче борьбы поляков с немцами. Хотя и прежде просветительное начало Малороссии всегда было выше просветительного начала Польши, но в былое время она стояла гораздо ниже Польши относительно внешней образованности. В настоящее время, когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык, русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки и богаче, и серьезнее польской» (Ламанский 1861: 15). Историческая задача славянства, по мнению Ламанского, состоит в единении народов для выработки самобытной культуры и противостоянии (в первую очередь, литературном, культурном) миру германо-романскому.

Впрочем, он не видит перспектив у ассимиляционной политики австрийского правительства. Численное преобладание славян в Австро-Венгрии, по мнению Ламанского, должно привести к переждению самого государства и его постепенному ослаблению. «Скажем откровенно, – признавался он, – мы даже вовсе не верим в будущее немецкой народности в Австрии, уверены, что славяне с нею справятся и под конец подчинят ее своей образованности, конечно, если только забудут свои домашние распри и утвердят единодушием, общеславянской образованностью» (Ламанский 1861: 17). Под обще-

славянской образованностью он разумел принятие русского языка в качестве литературного, дипломатического и научного языка всеми славянскими народами.

Через год Ламанский получил возможность посетить славянские земли. Его командировка с научными целями продлилась два с половиной года. Она не поколебала его убеждения в необходимости распространять русский литературный язык среди славян, но показала, что процесс онемечивания среди австрийских славян зашел далеко, и культурное (языковое) объединение славян казалось ему уже не столь очевидным.

В статье «Национальная бестактность» Ламанский сочувственно отзывался об издававшемся в Санкт-Петербурге журнале «Основа» (Ламанский 1861: 17), хотя и не был готов согласиться с редакционной политикой по всем вопросам. Признание Ламанского показывает, что современники воспринимали украинофильство в качестве разновидности славянофильского направления. Ламанский не видел в нем принципиальных расхождений со славянофильством. Так же точно и украинофилы соглашались с позицией Ламанского о единстве литературного языка для Великороссии и Малороссии. Например, М.П. Драгоманов считал мнение Ламанского о возможности самостоятельной «малорусской словесности» при сохранении и развитии русского литературного языка «самой верной и практичной точкой зрения» (Драгоманов 1908: 118–119). В то же время еще при жизни Ламанского пути малороссийского движения и славянофильства существенно разошлись. Если в начале 1860-х гг., т. е. на исходе «раннего славянофильства», он еще мог усмотреть их идейное родство, то позднее высказывался значительно более критично и даже полемизировал с Драгомановым на страницах «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Идеологию украинофильства более точно можно охарактеризовать как вариант областнической программы, вписывая его в ряд таких общественных движений и учений, как сибирское областничество, российское областничество (федералистские концепции русской истории, «Камско-Волжская газета», казачий автономизм), западнорусизм.

Принципиальным для Ламанского оставалось единство трех ветвей русского народа. «Малорусы и великорусы с белорусами, – писал он, – при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом образуют один русский народ, *единую* Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений. <...> Славный Киев живет глубоко в сознании нашего народа, в его поэтических преданиях, на всем великорусском просторе» (Ламанский 1861: 17). Единство народа

проявляется прежде всего в общности литературного языка. В быту, у себя дома славяне могут говорить на своих местных наречиях, а вот писать, читать, обучаться в учебных заведениях должны на одном языке. Успешным примером подобной языковой политики для Ламанского служило образование итальянского и немецкого литературных языков, когда в качестве литературного языка было выбрано одно из провинциальных наречий. Главный критерий при таком выборе должен состоять в литературном развитии этого наречия, в богатстве и мировом значении созданной на этом языке литературы. Среди современных ему славянских языков на эту роль мог претендовать только русский язык. Это, полагал Ламанский, верно для всех славян, тем более верно оно для ответвлений русского племени.

Без языкового единства ставится под сомнение и политическая целостность государства. Верно и обратное: принятие западными и южными славянами русского языка в качестве литературного, научного и дипломатического со временем поставит вопрос и о форме политического единства славян. В обособлении малорусского наречия, к которому призывал Чернышевский, Ламанский видел угрозу как политическому, так и народному единству русского племени. «Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению русской народности, к распаденю и *разделу* Русской земли», – предупреждал он (Ламанский 1861: 17). Более того, «всякие попытки отторгнуть напр. Киев от России вызовут такие бедствия и несчастья, последствия которых нельзя предвидеть» (Ламанский 1861: 17). Пророчества Ламанского опирались на философско-исторический анализ славянской истории и культуры. Его историософия футурологична. Самым известным его предвидением, пожалуй, является описание хода будущей мировой войны, сделанное за четверть века до самого события. Наиболее полно оно выражено в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Однако сохранение российской государственности нужно не одному русскому народу. Русское государство, по мысли Ламанского, является подмогой для борьбы славянской стихии с германством (чехов в Австрии и поляков в Пруссии). «Не в одних русских видах, но для блага *всего* славянства обязаны мы соблюдать целостность и единство *Русской земли!*» – отмечал он (Ламанский 1861: 17).

В.И. Ламанский не предпринял детального критического разбора публикации Чернышевского. Статья стала для него поводом высказать ряд собственных суждений не только по русинскому вопросу. В своем критическом отзыве он поместил очерк формирования русского литературного языка, чтобы показать, что современный русский литературный язык во многом создавался в течение XVII–XVIII вв.

выходцами из южнорусских и западнорусских земель в качестве общего письменного языка для восточных славян. Отречение от него нанесет вред прежде всего самим малорусам тем, что значительно понизит культурный уровень населения и отвернет его от его собственной истории. «Русский литературный язык, – писал Ламанский, – образован не со вчерашнего дня и не Ломоносовым, который его только точнее определил и усовершенствовал. В основе своей великорусский язык наш принадлежит одинаково в значительной мере и малороссиянам. Отказавшись от него, они бы отказались от значительной части своего прошедшего, своей истории и все-таки не успели образовать на своем наречии такой литературы, которая бы им сделала излишней литературу русскую. Отказавшись от русской образованности, они принуждены были бы примкнуть к польской, с которою тоже словесность малорусская не сравнивается. Пока же малорусы не создадут своей образованности на своем наречии, до тех пор должны они учиться и писать или на русском, или на польском языке. Но выбор последнего возможен для Малороссии только с принятием католицизма, возобновлением унии...» (Ламанский 1861: 18).

В основе письменного языка великорусов и малорусов лежит общий элемент – язык церковнославянский. До конца XIV в. различия в живом народном языке Южной и Северной Руси были ничтожны, а единство письменного языка сохранялось. Более того, если воспользоваться современной терминологией, то русский язык подвергся сильной украинизации. «Огромное, непосредственное влияние имели на язык наш южнорусские ученые и писатели с конца XVII в. почти до самого Ломоносова. Малорусы господствовали тогда у нас в иерархии, в школе и образованности. Они, по-видимому, имели все средства образовать русский литературный язык на малороссийской основе. История решила иначе. Уроженец Двинской земли, коренной новгородец Ломоносов принял наречие московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента, ц. славянского. Для дальнейшего развития нашего языка имели огромное значение многие даровитые писатели из малороссов, и один гениальный – Гоголь. Итак, наш литературный язык нынешним своим видом обязан общим, совокупным усилиям велико-малорусов. Он есть плод исторической жизни *всего* русского народа. Признаемся, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшею нелепостью» (Ламанский 1861: 18). На русском языке, замечал Ламанский, писали Капнист, Островьяненко, Балугьянский, Лодий, Венелин, Гребенка, Гоголь, Кулиш, Костомаров. Шевченко вел на русском языке свой дневник. Ламанский допускает «малорусскую словесность» лишь в быту, в ка-

честве языка домашнего общения. Литературным же языком, языком образования и науки должен быть русский язык. «В противном же случае русскому народу в Галиции и Венгрии придется вовсе остаться без науки и образованности или принять органом языки немецкий, польский и мадьярский. Тот и другой выбор повлечет за собою утрату народности», – заключал он (Ламанский 1861: 19).

Общий вывод В.И. Ламанского о статье Чернышевского сводится к тому, что рецензент «Современника» «незнаком ни с историею, ни с современным положением русинов» и, очевидно, «не понимал всей важности русинского вопроса» (Ламанский 1861: 17). Впрочем, он видел и положительную силу такой публикации, т. к. в ней в полной мере была высказана определенная точка зрения, которую можно критиковать. «Ложь не долговечна. Формулируясь и определяясь, она обличает себя», – выносил он свой приговор (Ламанский 1861: 19). Ламанский сходил с Чернышевским, пожалуй, лишь в одном: он не признавал национальную самобытность галицких русинов, считая их отторгнутой от основной массы частью русского народа, в то время как Чернышевский относил их к «малорусскому племени».

В следующих двух номерах газеты «День» была напечатана статья П.А. Лавровского «О русских в Галиции» (Лавровский 1861), которая также была откликом на статью Чернышевского. Очерк П.А. Лавровского знакомил читателей с историей русского населения Галиции, которую столь превратно истолковал автор «Современника». Он отмечал, что автор статьи не обладает ни достаточными знаниями, ни пониманием вопроса и обратился к газете «Слово» случайным образом, поскольку пишет лишь о двух первых номерах, в то время как уже вышло пятьдесят номеров газеты. В первой статье П.А. Лавровский рассматривал положение русинов под властью поляков, во второй – австрийцев. Он указывал на факты покровительства австрийских властей русскому языку и униатской церкви. В пятом номере газеты «День» была опубликована корреспонденция «Голос из Угорской Руси о русском языке» униатского священника И.И. Раковского, бывшего редактора «Церковной газеты» в Будине. И.И. Раковский призывал «принять великороссийский язык для распространения народного просвещения. <...> Мы не понимаем тех, – писал он, – которые вступают за отдельное какое-либо русское наречие или поднаречие. <...> Теперь, по-видимому, все стремится к единству, а не к разъединению. Можно сказать, что в нынешнее время только три языка пользуются мировым значением, именно немецкий, французский и английский. После сих великорусский язык имеет полное право на название мирового языка» (Голос 1861: 10). Мысли И.И. Раковского были близки Ламанскому, в частности, развиваемому им впоследствии учению о

языке как геополитической силе. Статьи Ламанского и Лавровского были призваны показать историческое родство галицких русинов с русским народом и обосновать культурно-историческое право языка русинов ориентироваться на русский литературный язык.

Статья Ламанского, вероятно, возымела тот эффект, на который рассчитывал издатель. Ее заметили, более того, она вызвала смятение в рядах оппонентов. В письме графине А. Д. Блудовой 27 октября 1861 г. Аксаков признавался: «Ну уж если бы вы знали, как разозлились на меня и на Ламанского хохлы и поляки. У них в этих случаях всегда одна уловка – прикидываться лежачими, беззащитными, говорить, что им отвечать нельзя, опасно, что мы угождаем силе, и что статья Ламанского – донос, а я хочу распалить вражду и т. п. Как бы не вздумали, в самом деле, как-нибудь их преследовать» (цит. по: Барсуков 1904: 136). В «доносе», о котором упоминает И. С. Аксаков, Ламанского обвинил Н. И. Костомаров (Переписка 1916: 109). Ламанский едва ли, работая над статьей, помышлял об извете. Он старался не столько описывать и опровергать мнение автора «Современника» и его украинофильствующих адептов, сколько обозначить свою позицию и, опираясь на фактическую сторону дела, дать обобщенную картину формирования русского языка, его прошлого и чаемого им будущего.

Уже в скором времени Чернышевский отплатил долг своим критикам, напечатав в «Современнике» статью «Народная бестолковость». В новой статье он предпринял критический обзор первых номеров аксаковской газеты «День». Предложенное Чернышевским определение славянофильства было далеко от реального содержания славянофильской программы. Разбирая редакторские статьи Аксакова и выступление Ламанского в защиту львовского «Слова», он выводил славянофильство «от неразумного увлечения мыслью, будто наша русская народность единственный чистый тип славянской народности, что они, наши славянофилы, представители образцового славянского народа» (Чернышевский 1950а: 828). Чернышевский упрекал славянофилов в том, что они «сбились с толку в своих понятиях о русской народности и о согласии своих теорий с этой народностью» (Чернышевский 1950а: 848). Подобную интерпретацию славянофильства было мудрено вывести из статей Аксакова и Ламанского. Она в большей мере отражала предвзятую позицию самого Чернышевского, чем соответствовала взглядам славянофилов. Досталось Аксакову и за свидетельство о постепенном нарастании сочувствия в русском обществе к идеям славянофилов, в том числе К. С. Аксакова. Критик «Современника» упрекнул Ивана Сергеевича в «самохвальстве», а редакцию «Дня» – в «совершенном забвении расчетов приличия и уместности» (Чернышевский 1950а: 832).

Значительная часть статьи Чернышевского направлена против панславизма, пропаганду которого он усмотрел в газете «День». Необходимо заметить, что Ламанский отстаивал не имперский панславизм, а идею «постепенного распространения “нравственного” влияния России» (Саприкина 2004: 21), прежде всего посредством популяризации русского языка и культуры в славянских землях. Чернышевский же считал такой культурный панславизм бесполезным, как тщетны любые «увещания, не поддерживаемые штыками» (Чернышевский 1950а: 837). По его мнению, европейские государства только приветствуют прогрессивные начинания в России и желают всяческого добра славянам, а сопротивляются их освобождению из-под власти турок и немцев лишь из опасений усиления влияния России, «поглощения» ею Дунайских княжеств и «обращения Константинополя в русский губернский город» (Чернышевский 1950а: 838). Война за освобождение славян настроит против России все западные державы и вынудит их поддержать Турцию. Чернышевский высказывал убеждение, что, как только Россия перестанет участвовать в делах турецких и австрийских славян, они легко добьются освобождения, поскольку численно преобладают. Более того, заверение в помощи «поддерживает в самих славянах Австрийской империи гибельную для них беззаботность» (Чернышевский 1950а: 838), а «расслабляющая перспектива чужой помощи» (Чернышевский 1950а: 839) провоцирует славян к бездействию. Славяне, уверял Чернышевский, должны освободить сами себя; они будут «оскорблены» подмогой со стороны России. Ее вмешательство неизбежно приведет к войне, а «война слишком обременительна для нас при нынешних обстоятельствах» (Чернышевский 1950а: 837). Предлагаемый Чернышевским в статье итоговый рецепт освобождения славян выглядел следующим образом: «Любовь к славянским племенам состоит в том, чтобы желать им добра. Наше содействие не может быть им полезно, напротив, оно повредило бы им, возбуждая в Англии, Франции, Германии опасение, которое не допускало бы их освобождения. Любовь к ним требует от нас, чтобы мы откровенно говорили им: вы составляете несколько десятков миллионов человек; такому многочисленному населению не нужна никакая посторонняя помощь. <...> Наша помощь не нужна вам, была бы вредна вам. Да и нам самим было бы слишком тяжело воевать для вашего освобождения» (Чернышевский 1950а: 841).

Со своей стороны, славянофилы не видели доброй воли западных государств в деле освобождения славян. Чернышевский же считал призывы славянофилов к борьбе с Западом бессмысленными и упрекал своих оппонентов в «эгоистическом расчете подчинить

их (славян. – А.М.), – тут не желание добра им, а желание увеличить собственное могущество» (Чернышевский 1950а: 842).

Критик отмечал, что славянофилы «никак не могут рассуждать сообразно фактам и здравому смыслу» (Чернышевский 1950а: 841). Однако статьи Ламанского и Лавровского, опубликованные в газете «День», приводили многочисленные факты, как раз опровергавшие утверждения Чернышевского. Они состояли из фактов, по преимуществу были, скорее, статьями историческими, чем политическими. В ответной статье у Чернышевского была возможность показать, какие факты, обнародованные авторами «Дня», противоречат истории и действительности, однако он этого не сделал. Он приводил обширные цитаты из публикации Ламанского, но не предложил их содержательной критики, а лишь приписал автору желание обязать всех славян перейти на русский язык и перекрестить их в русскую веру. Без каких-либо дополнительных аргументов Чернышевский воспроизвел свой тезис об отдельности малорусской народности, к которой принадлежат и русины, а их мнение о своем русском происхождении вывел из «вредных сентиментальных внушений» славянофилов, стремившихся на самом деле их подчинить.

Впоследствии Ламанский упоминал о Чернышевском лишь в письмах к родным из Вены в 1863 г., критически отзываясь о романе «Что делать?» (СПбФ АРАНб: 57–57 об.). Больше они, вероятно, не встречались в жизни и не пересекались на публицистическом поприще. О судьбе писателя Ламанский получал сведения уже только от Пыпина. К русинскому же вопросу ему еще не раз приходилось обращаться, хотя Ламанский и не оставил крупных исследований об этом. Знакомство со славянскими землями подтвердило опасения Ламанского о пагубности украинофильской пропаганды среди галицких русинов. По результатам своей первой поездки (1862–1864) он опубликовал несколько работ. В одной из них Ламанский отмечал: «Опасаясь утраты Галиции, Австрия всячески старается возбудить в Галицийской Руси искусственное нерасположение к России. Она не щадит никаких усилий и жертвований, чтобы распространять в Галицкой Руси учение, подобное тому, что малорусское племя своим природным характером и историею отличается от великорусского гораздо более, чем, например, поляки и чехи и т. п.» (Ламанский 1865: 14). Два десятилетия спустя он с горечью свидетельствовал, что ассимиляционные процессы в Галиции дали свои отрицательные плоды. Галицкая интеллигенция не только сменила русскую идентичность на польскую, но и заразилась агрессивной русофобией: «Известная часть галицийско-русской интеллигенции глядит на нас, русских, на *москалей*, глазами чисто польскими. На наш взгляд, она

не может и не должна быть нами отделяема от поляков. Для нас это действительно *gente Rutheni, natione Poloni*. Это поляки же, только русского происхождения и восточного обряда. Есть же у нас поляки, сами себя называющие поляками православного исповедания. <...> Вражда известной галицийско-русской партии к России, от полного ее непонимания, объясняется пятисотлетним почти господством поляков в этой захудалой, оторванной еще в XIV в. от народного ядра русской земле, продолжительным в ней хозяйничаньем евреев, иезуитов, австрийцев. Эта жалкая и приносящая вред только самой же захудалой, ополяченной русской интеллигенции вражда вызывает в нас не столько негодование, сколько требует снисхождения и извинения. Надо еще удивляться, и остается только радоваться и благодарить Бога, что в русской Галичине далеко не такова вся русская интеллигенция» (Ламанский 1886: 559).

Ламанский видел пагубность ассимиляции галицких русинов и навязывания им антирусского мировоззрения для самих поляков, поскольку человеконенавистническая идеология разрушительна для народа и его культуры. «Но мы энергически протестуем против той системы действия, какую практикуют нынче поляки в Восточной Галиции, и скорбим об этом, видя в этом доказательство, что, к несчастью, они остались прежние, ничего не забыли и ничему не научились. От этого поведения поляков по отношению к русской народности в Галиции можно ожидать только вреда и печальных последствий для самих поляков», – писал он в 1883 г. (Ламанский 1883: 33). Полное представление о взглядах Ламанского на судьбу Галиции можно получить только в рамках его цивилизационной концепции и интерпретации «восточного вопроса» (Шульга 2016).

Полемика между журналом «Современник» и газетой «День» показала, насколько плохо русская образованная публика была знакома с русинским вопросом и готова на слово верить призывам радикального публициста. Статьи Ламанского и Лавровского знакомили с прошлым русинского народа и его современным положением, а также с историей русского языка как общего литературного языка для Велико- и Малороссии. Имела ли критика Ламанским Чернышевского какой-то результат или влияние? Скорее, нет. Статья Ламанского послужила славянофилам самоуспокоением в своей исторической и научной правоте. Сбылись лишь худшее опасения Ламанского, во многом подтверждавшие верность его анализа и оценок. Имя самого Ламанского ныне ведомо узкому кругу специалистов, прежде всего славистов. В последнее время стала привлекать внимание его цивилизационная или геополитическая концепция, оставляющая надежду на большую востребованность наследия ученого. Можно

сказать, что интерес к научному и публицистическому творчеству русского слависта только начинает возрастать, чего не скажешь о Чернышевском. Его влияние на современников несопоставимо с известностью скромного университетского профессора. Чернышевский стал духовным лидером целого поколения. Интерес к его творчеству не смогли поколебать даже социально-политические трансформации последней четверти века.

ЛИТЕРАТУРА

Бадалян 2016 - *Бадалян Д.А.* «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. 360 с.

Барсуков 1904 - *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. 555 с.

Голос - Голос из Угорской Руси о русском языке // *День*. 1861. № 5. (11 ноября). С. 9–10.

Демченко 2014 - *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский и славянофилы: риски сближения // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2014. № 2. С. 26–37.

Драгоманов 1908 - *Драгоманов М.П.* Восточная политика Германии и обрусение // *Политические сочинения*. Т. I: Центр и окраины. М.: Типография Т-ва П.Д. Сытина, 1908. С. 1–216.

Емельянов 2013 - *Емельянов Е.П.* Национальный вопрос в переписке И.С. Аксакова и Н.И. Костомарова // *Научный диалог*. 2013. № 6 (18). История. Социология. Этнография. С. 21–29.

Зигель 1915 - *Зигель Ф.Ф.* [Рец. на книгу:] Грот К.Я. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях. Пг., 1914 // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1915. № 4. С. 355–368.

Лавровский 1861 - *Лавровский П.* О русских в Галиции (по поводу статьи «Национальная бестактность» в июльской книге «Современника» за 1861 г. отд. «Русская литература»). С. 1–18.) // *День*. 1861. № 3. 28 октября. С. 11–13; № 4. 4 ноября. С. 17–20.

Ламанский 1861 - *Ламанский В.И.* Национальная бестактность // *День*. 1861. № 2. 21 октября. С. 14–19.

Ламанский 1865 - *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: В типографии А.А. Краевского, 1865. 92 с.

Ламанский 1883 - *Ламанский В.И.* «Государственные тайны Венеции» (*Secretes d'Etat de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études*. St-Petersbourg. 1884. (том в 65 листов убористой печати) // *Русь*. 1883. № 22. 15 ноября. С. 23–41.

Ламанский 1886 - *Ламанский В.И.* О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556–564.

Лаптева 2014 - *Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики (к 100-летию со дня смерти учителя) // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.

Куприянов 2016 - *Куприянов В.А.* Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. Вып. 28. С. 215–222.

Малинов 2017 - *Малинов А.В.* Студенческие годы В.И. Ламанского // Клио. 2017. № 10. С. 156–166.

Михутина 2003 - *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 289 с.

Переписка 1916 - Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 83–114.

СПбФ АРАНа - Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2.

СПбФ АРАНь - СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

Саприкина 2004 - *Саприкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 27 с.

Сладкевич 1948 - *Сладкевич Н.Г.* К вопросу о полемике Н.Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 71–79.

Троицкий 2009 - *Троицкий С.А.* Письмо А.Н. Пыпина В.И. Ламанскому. Предисловие к публикации // Вече. 2009. Вып. 19. С. 210–212.

Чернышевский 1950а - *Чернышевский Н.Г.* Народная bestолковость // Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7: Статьи 1860–1861 годов. С. 828–848.

Чернышевский 1950б - *Чернышевский Н.Г.* Национальная bestактность // Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7: Статьи 1860–1861 годов. С. 775–793.

Шульга 2016 - *Шульга М.А.* «Русинский вопрос» и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 15–26.

REFERENCES

Badalyan, D.A. (2016) “*Kolokol prizyvnyy*”: *Ivan Aksakov v russkoy zhurnalistike kontsa 1870-kh – pervoy poloviny 1880-kh godov* [“The bell of conscription”: Ivan Aksakov in Russian journalism of the late 1870s – the first half of the 1880s]. St. Petersburg: Rostok.

Barsukov, N. (1904) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [Life and works of M.P. Pogodin]. Book 18. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

Den'. (1861) *Golos iz Ugorskoj Rusi o russkom yazyke* [A Voice from Ugric Russia on Russian language]. 11th November. pp. 9–10.

Demchenko, A.A. (2014) N.G. Chernyshevskiy i slavyanofily: riski sblizheniya [Chernyshevsky and Slavophiles: the risks of rapprochement]. *Nauchnoye obozreniye: gumanitarnyye issledovaniya*. 2. pp. 26–37.

Dragomanov, M.P. (1908) *Politicheskiye sochineniya* [Political works]. Vol. I. Moscow: T-vo P.D. Sytina. pp. 1–216.

Emelyanov, E.P. (2013) National Question in Correspondence between Ivan Sergeevich Aksakov and Nikolay Ivanovich Kostomarov. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 6(18). pp. 21–29 (In Russian).

Zigel, F.F. (1915) Retsenziya: Grot K.YA. Avstro-Vengriya ili Karpato-Dunay-skiye zemli v sud'bakh slavyanstva i russkikh istoricheskikh izucheniyakh. Pg., 1914 [Grot K.Ya. Austria-Hungary or Carpathian-Danube lands in the fate of Slavs and Russian historical studies. Petrograd, 1914]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4. pp. 355–368.

Lavrovsky, P. (1861) O russkikh v Galitsii (po povodu stat'i "Natsional'naya bestaktnost'" v iyul'skoy knige Sovremennika za 1861 g. otd. "Russkaya literatura". S. 1–18.) [On the Russians in Galicia (on the article "National tactlessness" in the July book of *Sovremennik* for 1861 from the department "Russian literature" pp. 1–18]. *Den'*. 28th October. pp. 11–13.

Lamansky, V.I. (1861) Natsional'naya bestaktnost' [National tactlessness]. *Den'*. 21st October. pp. 14–19.

Lamansky, V.I. (1865) *Natsional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskoy i literaturnom otnosheniyakh* [Italian and Slav nationalities in political and literary relations]. St. Petersburg: A.A. Krayevsky.

Lamansky, V.I. (1886) O polozhenii bolgarskikh slavyanskikh del s tochki zreniya istorika i slavista [On the situation of Bulgarian Slavic affairs from the point of view of a historian and Slavist]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 12. pp. 556–564.

Lamansky, V.I. (1883) "Gosudarstvennyye tayny Venetsii" (Secretes d'Etat de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études. St.-Pétersbourg. 1884. (tom v 65 listov uboristoy pechati) [State secrets of Venice. State secrets of Venice and republican relations with Greeks, Slavs and Turks in XVI century. Documents, excerpts, notices and studies. St. Petersburg. 1884]. *Rus'*. 15th November. pp. 23–41.

Lapteva, L.P. (2014) Vladimir Ivanovich Lamanskiy (1833–1914) i yego ucheniki (k 100-letiyu so dnya smerti uchitelya) [Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) and his disciples (on the occasion of the 100th anniversary of the teacher's death)]. *Slavyanovedeniye*. 6. pp. 82–96.

Kupriyanov, V.A. (2016) The structure of Europe in the philosophical and historical doctrine of V.I. Lamansky. *Veche*. 28. pp. 215–222 (In Russian).

Malinov, A.V. (2017) Student years of V.I. Lamansky. *Klio – Klio*. 10. pp. 156–166 (In Russian).

Mikhutina, I.V. (2003) *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian question in Russia (the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.

Aksakov, I.S. & Lamansky, V.I. (1916) *Perepiska dvukh slavyanofilov* [Correspondence between two Slavophiles]. *Russkaya mysl'*. 12. pp. 83–114.

St. Petersburg Branch of the RAS Archive (SPbF ARAN). Fund 35. List 3. File 2.

St. Petersburg Branch of the RAS Archive (SPbF ARAN). Fund 35. List 3. File 44.

Saprikina, O.V. (2004) *Akademik V.I. Lamanskiy (1833–1914): nauchnoye naslediyе i obshchestvennaya deyatel'nost'* [Academician V.I. Lamansky (1833–1914): a scientific heritage and social activities]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Sladkevich, N.G. (1948) *K voprosu o polemike N.G. Chernyshevskogo so slavyanofil'skoy publitsistikoy* [On the polemics of N.G. Chernyshevsky with Slavophile journalism]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 71–79.

Troitsky, S.A. (2009) *Pis'mo A.N. Pypina V.I. Lamanskomu. Predisloviye k publikatsii* [Letter of A.N. Pypin to V.I. Lamansky. Preface to publication]. *Veche*. 19. pp. 210–212.

Chernyshevsky, N.G. (1950a) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: In 15 vols]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 828–848.

Chernyshevsky, N.G. (1950b) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: In 15 vols]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 775–793.

Shulga, M.A. (2016) Rusyn “issue” and geopolitical dimensions of Vladimir Lamanskiy. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 2. pp. 15–26 (In Russian).

Малинов Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Alexey V. Malinov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.v.malinov@gmail.com